



Евгения Демидова

**Феникс 2.0: В
согласии**

Феникс

Евгения Демидова

Феникс 2.0: В согласии

«Автор»

2026

Демидова Е.

Феникс 2.0: В согласии / Е. Демидова — «Автор»,
2026 — (Феникс)

Проект «Феникс» выходит от лаборатории ко всему корпусу, а затем — к мировым горизонтам. Масштаб растёт, и громче спорят старые традиции с новыми технологиями: в университете просыпается «призрак» — забытая система, бросающая вызов интеллекту «Феникса». Команда Дем — с её разными характерами и подходами — учится не ломать старое, а договариваться с ним: «Феникс» начинает «слушать» здание, улавливая вибрации труб, звук капающей воды и перепады влажности. Испытания, споры и ночные вылазки становятся школой и для системы, и для людей. Когда проект предлагают протестировать в разных климатических зонах, команда понимает: их философия «не ломать, а договариваться» может стать новым стандартом. Впереди — кругосветка, новые здания и загадки, но главное уже ясно: самая надёжная технология — та, что создана людьми, умеющими слышать.

© Демидова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть II	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Евгения Демидова

Феникс 2.0: В согласии

Часть II

Глава 1. «Новый масштаб»

Дем стояла перед картой корпуса, испещрённой красными и синими линиями. Ещё неделю назад эти линии обозначали пять аудиторий — теперь они охватывали весь корпус, а скоро должны были выйти за его пределы. Рядом, постукивая ручкой по блокноту, стояла Маша — проректор по хозяйственной части. Её взгляд был таким же холодным, как воздух в неработающем крыле.

— Вы говорите, он «дышит», — сухо произнесла Маша. — А я говорю, что если из-за вашего дыхания у меня потечёт потолок в лектории, я этот ваш «Феникс» отключу и сдам на металлолом.

Кшуша, которая держала в руках планшет с идеально ровным графиком, нервно сглотнула.

— Он не виноват в трубах, — тихо сказала она.

Маша чуть приподняла бровь.

— А кто виноват? Трубы сами по себе не гниют. Они гниют, когда кто-то слишком занят «ритмом», чтобы заметить протечку.

Мистер Ква, до этого молча изучавший схему, наконец заговорил:

— Значит, мы научим его видеть протечки. Не только температуру, но и звук капающей воды, вибрацию старых труб. Мы добавим ему уши.

Маша хмыкнула, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Уши, значит. Ладно. Даю вам неделю. Пусть он найдёт одну реальную проблему до того, как она станет потопом. Докажите, что он не просто красиво мигает.

Дем кивнула, чувствуя, как внутри разливается то самое тёплое спокойствие — не из-за успеха, а из-за того, что они прошли через провал и не рассыпались.

Лидер подошёл к ней, не говоря ни слова, просто встал рядом — так, как будто это было самое естественное место в мире.

— Завтра ректор хочет увидеть результаты, — тихо сказал он. — И, скорее всего, предложит расширить проект ещё на пять аудиторий. А потом, возможно, и на весь корпус.

Дем кивнула, не чувствуя ни паники, ни восторга — только твёрдую уверенность: они справятся. Потому что теперь они знали не только как строить систему, но и как её спасать.

В этот момент в дверь просунулась голова парня с взлохмаченными волосами и папкой, перетянутой бечёвкой.

— Привет, — сказал он. — Вы тут ищете, почему система сходит с ума? Я знаю, где зарыта собака. Или, точнее, где зарыт старый компрессор.

Дем нахмурилась.

— Кто ты?

— Ванька. Архивист. Я нашёл чертежи 1953 года. В этом крыле есть автономная система охлаждения, которую никто не отключал. Она работает раз в три дня по ночам и даёт такой скачок напряжения, что ваш «Феникс» думает, что начался пожар.

Мистер Ква почесал подбородок.

— То есть у нас тут призрак в машине.

Ванька улыбнулся.

— Типа того. Но я знаю, где рубильник. Если хотите, можем его отключить... или научить «Феникса» с ним договариваться.

Маша скрестила руки на груди.

— Договариваться? С ржавой трубой?

— Не с трубой, — спокойно ответил Ванька. — С системой. Она старая, но не глупая. Просто её никто не слушал.

На секунду в комнате стало тихо. Даже «Феникс» будто замер, прислушиваясь к этой идее.

— Ладно, — наконец сказала Маша. — Пусть будет «договор». Но если через неделю у меня будет потоп, я вас всех заставлю мыть полы.

Она развернулась и вышла, оставив после себя запах кофе и ощущение, что ставки только что выросли.

Кшуша посмотрела на Ваньку.

— Ты серьёзно? Ты правда знаешь, где этот рубильник?

— Ага, — кивнул он. — И ещё знаю, где лежат старые журналы техобслуживания. Там есть всё: от жалоб преподавателей на сквозняки до отчётов о ремонте 1978 года.

— Тогда ты нам нужен, — сказала Дем. — Очень нужен.

В этот момент дверь снова приоткрылась, и на пороге появился ещё один человек — высокий парень с лёгкой улыбкой и взглядом, который будто знал о Дем больше, чем она сама хотела бы.

— Привет, — сказал Вадик. — Я слышал, тут нужны люди, которые знают, где в этом здании прячутся все секреты. Я как раз из таких.

Дем улыбнулась — впервые за день по-настоящему.

— Добро пожаловать в хаос, — сказала она. — У нас тут как раз начинается самое интересное.

А за стенами университета город продолжал жить своей жизнью: шумели машины, горели фонари, спешили куда-то люди. И где-то там, впереди, уже зрела новая задача — не просто расширить систему, а сделать её частью большого мира.

Но это будет завтра.

А сегодня — они просто позволили себе выдохнуть. Потому что знали: история только начинается.

Глава 2. «Призрак в стенах»

Ночь накрыла университет плотным, почти бархатным покрывалом. Уличные фонари отбрасывали на асфальт длинные тени, а в коридорах корпуса 3Б стояла та особенная тишина, которая бывает только в пустых зданиях — гулкая, внимательная, будто стены прислушиваются к каждому шороху.

Дем шла по коридору, сжимая в руках планшет. Рядом, чуть позади, шагал Вадик. Он не пытался заполнить тишину разговорами — просто был рядом, и от этого становилось спокойнее. Вадик знал эти коридоры наизусть: где скрипит третья ступенька на лестнице, где в стене прячется ниша с забытым термосом, где вентиляция поёт на низких нотах, если ветер дует с севера.

— Тут, — вдруг сказал он, останавливаясь у неприметной двери с облупившейся табличкой «Тех. помещение 12». — Люк в подвал идёт отсюда. Ванька говорил, что старая система охлаждения начинается именно тут.

Дем кивнула, щёлкнула замком и потянула дверь на себя. Петли протестующе скрипнули, будто не хотели пускать их в свои секреты. Внизу пахло пылью, старым бетоном и чем-то ещё — металлическим, едва уловимым, как запах грозы перед дождём.

Они спустились по узкой лестнице, освещая путь фонариками. Внизу, в полумраке, выривались массивные трубы, покрытые слоями краски разных десятилетий. Некоторые из них тихо гудели, другие дребезжали, словно недовольные тем, что их потревожили.

Ванька уже ждал их внизу, присев на корточки перед ржавой панелью с выплывшими переключателями. Рядом лежала его папка с чертежами, раскрытая на странице с замысловатой схемой.

— Вот он, — Ванька постучал по панели. — Рубильник старой системы. Она включается автоматически по таймеру, который никто не сбрасывал с 1987 года. Раз в 72 часа — резкий выброс холодного воздуха. Для «Феникса» это как удар током: датчики сходят с ума, система думает, что начался коллапс.

Кшуша, которая спустилась следом за ними, прижала планшет к груди, будто он мог её защитить от этого древнего механизма.

— То есть... это не ошибка кода? — тихо спросила она. — Это реально существующая штука?

— Реально, — кивнул Ванька. — И она упрямая. Как мой дед, который до сих пор заводит будильник на семь утра, даже если никуда не надо.

Мистер Ква спустился последним, тяжело ступая по ступеням. Он остановился, оглядывая трубы, панели, провода — всё это переплетение прошлого и настоящего.

— Старая школа, — пробормотал он. — Делали на века. Даже если и не очень умно.

— Ум тут ни при чём, — возразил Ванька. — Тут про выносливость. Эта штука пережила три ремонта, два пожара и один студенческий бунт. Она просто привыкла работать.

Дем присела рядом с панелью, провела пальцем по ржавому металлу.

— Мы не можем её отключить, — сказала она вдруг. — Не потому что сложно, а потому что... она часть этого места. Если мы её вырубим, здание как будто потеряет голос.

Мистер Ква хмыкнул, но в его глазах мелькнуло одобрение.

— Значит, учим «Феникса» слушать этот голос.

Кшуша встрепенулась.

— Я могу написать модуль, который будет анализировать звуковые паттерны. Старые трубы издадут характерный гул перед включением. Если мы запишем эти вибрации, «Феникс» сможет предсказывать выбросы и компенсировать их заранее.

— Отлично, — кивнула Дем. — Но нам нужны данные. Много данных. И нам нужно понять, как эта система взаимодействует с остальной вентиляцией.

Вадик, который всё это время молча осматривал трубы, вдруг постучал по одной из них — глухой, вибрирующий звук разнёсся по помещению.

— Тут есть ответвления, которые не на схеме, — сказал он. — Они идут в сторону старого лектория. Если мы не учтём их, компенсация будет неполной.

Ванька улыбнулся.

— Ты как будто родился в этих стенах.

Вадик пожал плечами.

— Почти. Мой отец работал тут техником. Я с детства бегал по этим подвалам.

На секунду в комнате стало тихо. Только трубы тихонько гудели, напоминая, что они здесь главные.

— Ладно, — сказала Дем, поднимаясь. — План такой: Кшуша пишет модуль анализа вибраций, Ванька и Вадик ищут скрытые ответвления и составляют новую схему, Мистер Ква проверяет механическую часть. А я... я пойду к Маше. Нужно объяснить ей, почему мы не просто «чиним», а «договариваемся».

Мистер Ква кивнул.

— Хороший план. И помни: с Машей лучше говорить не про технологии, а про результат. Ей важно, чтобы не было потопов и жалоб.

Дем улыбнулась.

— Знаю. Но я всё равно скажу про голос здания. Пусть знает, с чем мы имеем дело.

Когда Дем поднялась наверх, коридор уже не казался таким тёмным. Где-то вдалеке слышался тихий смех — Дима, наверное, болтал с охранником, коротая время, пока она была внизу. Он обещал подождать, и вот он здесь, в этом полуночном университете, потому что знал, как ей важно, чтобы кто-то просто был рядом, когда всё кажется слишком сложным.

Дима стоял, прислонившись к стене, в руках — два бумажных стаканчика с остывшим кофе.

— Держи, — протянул он один. — Он уже не горячий, но всё ещё кофе.

Дем взяла стаканчик, улыбнулась.

— Спасибо. Ты не обязан был ждать.

— А я и не ждал, — спокойно ответил он. — Я был здесь. Это разные вещи.

Она прислонилась к стене рядом с ним, чувствуя, как напряжение медленно отпускает.

— Знаешь, — сказала она, глядя в тёмный коридор, — иногда мне кажется, что мы пытаемся заставить этот старый университет дышать по-новому. А он сопротивляется, потому что привык к своему ритму.

Дима посмотрел на неё, его голубые глаза в полумраке казались почти серебристыми.

— Может, не надо заставлять. Может, надо просто помочь ему найти новый ритм, не теряя старого. Как в музыке: новый бит поверх старой мелодии.

Дем замерла, потом медленно кивнула.

— Именно так. Спасибо, Дим.

Он улыбнулся, чуть наклонил голову.

— Всегда пожалуйста. И если тебе нужно будет просто посидеть в тишине, пока «Феникс» учится дышать, я тут.

Она сжала его руку — коротко, крепко, без лишних слов.

Кабинет Маши был на втором этаже, в самом конце коридора. Дверь была приоткрыта, внутри горел тусклый свет. Дем постучала, потом, не дожидаясь ответа, вошла.

Маша сидела за столом, окружённая стопками бумаг. На краю стола — чашка с остывшим чаем и фотография в рамке: она и кто-то ещё, очень давно, на фоне моря. Дем не стала разглядывать.

— Не спится? — спросила Маша, не поднимая глаз.

— Не особо, — призналась Дем. — Мы нашли источник сбоя.

Маша наконец подняла взгляд.

— И?

— Это не ошибка. Это старая система охлаждения, которая работает по своему расписанию. Мы не можем её просто выключить — она часть инфраструктуры. Но мы можем научить «Феникса» предсказывать её работу и компенсировать перепады.

Маша откинулась на спинку кресла, посмотрела на Дем так, будто пыталась прочитать между строк.

— Звучит как поэзия, а не инженерное решение.

— Потому что это не просто инженерное решение, — твёрдо сказала Дем. — Это уважение к тому, что уже есть. Здание старое, оно привыкло к определённом ритму. Мы не должны ломать его, чтобы заставить работать по-новому.

Маша помолчала, потом вдруг улыбнулась — не широко, а так, что уголки губ едва дрогнули.

— Знаешь, я двадцать лет работаю в этом университете. Видела, как тут всё перестраивали, перекрашивали, меняли проводку, ставили новые окна. И каждый раз казалось, что старое просто мешает. А потом... потом понимаешь, что без этого старого новое не держится.

Дем почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло — будто они наконец заговорили на одном языке.

— Именно, — сказала она. — Поэтому мы не ломаем. Мы договариваемся.

Маша кивнула, взяла ручку, что-то быстро написала в блокноте.

— Хорошо. Даю вам ещё неделю. Но мне нужны не красивые слова, а цифры: сколько сбоев мы предотвратим, сколько энергии сэкономим, сколько жалоб не поступит. Поняла?

— Поняла, — улыбнулась Дем. — И спасибо.

— Не благодари, — буркнула Маша, но в её голосе уже не было холода. — Просто сделай так, чтобы это работало.

Выходя из кабинета, Дем вдруг почувствовала, что ставки выросли не только для проекта, но и для неё самой. Маша перестала быть просто строгим куратором — теперь она была партнёром, союзником, человеком, который понимал цену старому и новому.

А за окнами уже начинало сереть небо — первые отблески рассвета пробивались сквозь тучи. Новый день начинался, и «Феникс» был готов к нему.

Глава 3. «Спор о контроле»

Никита вошёл в лабораторию так, будто собирался не обсуждать графики, а штурмовать крепость: плечи расправлены, взгляд острый, в руках — планшет, на экране которого плясали десятки диаграмм. Он остановился у панели «Феникса», быстро провёл пальцем по интерфейсу, и на главном мониторе тут же высветилась новая схема — без ручных переключателей, без резервных кнопок, без всего, что требовало участия человека.

— Вот, — сказал он, не здороваясь. — Это то, как система должна выглядеть. Полная автоматизация. Никаких «договоров» с призраками. Мы просто отключаем старую систему и переводим всё на единый протокол. Время реакции — в десять раз быстрее. Надёжность — выше. Человеческий фактор исключён.

Мистер Ква, который в этот момент аккуратно протирал линзы своих очков, медленно опустил салфетку и посмотрел на экран. В его взгляде не было злости — только спокойная, почти печальная усталость.

— Исключить человеческий фактор, — повторил он. — Знаешь, Никита, я однажды видел систему, которая всё делала сама. Она была такой быстрой, такой умной... пока не решила, что отапливать пустой корпус — это перерасход бюджета. И отключила батареи в январе. В общежитии. Где жили двести студентов.

Никита поморщился.

— Это ошибка проектирования. Мы не повторим её.

— Может, и не повторишь, — спокойно ответил Мистер Ква. — Но ты повторяешь другую ошибку. Ты думаешь, что надёжность — это скорость и отсутствие людей. А я думаю, что надёжность — это когда кто-то может вовремя сказать: «Стоп. Тут что-то не так».

Кшуша, сидевшая за своим ноутбуком, нервно теребила край рукава.

— Но если мы не автоматизируем, мы не успеем обработать все данные, — тихо сказала она. — Старая система даёт такие скачки, что «Феникс» не успевает их сглаживать. Нам нужно либо отключать её, либо... либо делать так, чтобы он реагировал мгновенно.

— Мы уже придумали, как сглаживать, — возразил Вадик, который стоял у стены, прислонившись к ней так, будто держал на себе весь потолок. — Мы учим его слушать трубы. Если он будет знать, когда старая система включится, он подготовится заранее. Это не про скорость. Это про понимание.

Никита резко повернулся к нему.

— А если он не услышит? Если вибрация будет слишком слабой? Если датчик окажется бракованным? Что тогда? Ты будешь стоять тут и надеяться, что трубы «подскажут»?

Вадик не стал спорить. Вместо этого он просто достал из кармана маленький прибор — самодельный вибродатчик, собранный из старых деталей.

— Я проверил его в подвале, — спокойно сказал он. — Он ловит даже то, как капает вода в трубе за стеной. Если мы поставим такие штуки по всему маршруту, «Феникс» будет знать всё заранее. Не потому что он быстрый. А потому что мы ему поможем.

На секунду в комнате повисла тишина. Даже «Феникс» будто замер, прислушиваясь к спору.

Дем подошла к экрану, провела пальцем по схеме Никиты, стирая её, и открыла свою — с сетью датчиков, с пометками о старых вентиляционных шахтах, с линиями, которые соединяли прошлое и настоящее.

— Мы не будем отключать старую систему, — твёрдо сказала она. — И мы не будем убирать ручной контроль. Но мы добавим то, что предложил Вадик: сеть вибродатчиков. И мы доработаем алгоритм Кшуши, чтобы «Феникс» мог предсказывать скачки. Это компромисс. Это уважение и к прошлому, и к будущему.

Никита сжал губы, потом медленно кивнул.

— Ладно. Но я хочу участвовать в разработке алгоритма. И я хочу, чтобы у нас был чёткий протокол: если система не справляется, она должна немедленно передавать управление человеку. Без колебаний.

Мистер Ква чуть улыбнулся.

— Теперь это звучит как инженерное решение.

Тем временем в другом крыле университета разворачивалась совсем другая история.

Миссис Ма стояла у окна своего кабинета, глядя на двор, где студенты спешили на лекции, кутаясь в куртки. За её спиной, у книжного шкафа, стоял Мистер Ква. Они не говорили уже несколько дней — не из-за ссоры, а из-за того, что оба были слишком заняты, слишком погружены в работу. Но сегодня он пришёл сам.

— Ты опять забыла пообедать, — сказал он, протягивая ей бумажный пакет. — Бутерброд. С сыром. Как ты любишь.

Миссис Ма обернулась, удивлённо приподняв брови.

— Ты помнишь?

— Конечно, — пожал плечами Мистер Ква. — Я многое помню. Например, как мы двадцать лет назад спорили над первой схемой вентиляции в этом корпусе. Ты говорила, что трубы надо класть под углом, а я — что строго горизонтально. В итоге положили под углом. И знаешь что?

Она улыбнулась, впервые за неделю.

— Трубы до сих пор текут на третьем этаже.

Он рассмеялся — коротко, но искренне.

— Вот именно. Значит, я был прав.

Она покачала головой, но в её глазах плясали смешинки.

— Ты всегда был прав. Просто я никогда этого не признавала.

Он подошёл ближе, остановился рядом, глядя вместе с ней на двор.

— Знаешь, — тихо сказал он, — я думал, что с возрастом всё становится проще. А оно становится сложнее. Но интереснее. Особенно когда рядом есть кто-то, кто понимает, о чём ты говоришь, даже если вы спорите.

Миссис Ма положила голову ему на плечо — совсем ненадолго, просто чтобы почувствовать, что земля всё ещё стоит на месте.

— Мы снова команда, — прошептала она.

— Да, — кивнул он. — И у нас есть работа.

А в это время в кафе на первом этаже Дима и Дем сидели друг напротив друга, между ними — две чашки горячего чая и стопка распечатанных графиков.

— Ты выглядишь уставшей, — сказал Дима, осторожно накрывая её руку своей. — Ты вообще спала этой ночью?

Дем улыбнулась, но улыбка вышла немного натянутой.

— Часа три. Может, четыре. У нас столько всего происходит...

— Я знаю, — спокойно ответил он. — И я не прошу тебя останавливаться. Просто... позволь мне быть рядом. Не как помощник, не как инженер, а просто как тот, кто будет держать тебя, когда ты устанешь.

Она сжала его пальцы, чувствуя, как напряжение медленно отпускает.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Иногда мне кажется, что если я хоть на минуту перестану думать о «Фениксе», он забудет, как дышать.

Дима покачал головой.

— Он не забудет. Потому что ты научила его этому ритму. А теперь позволь себе просто посидеть. Попить чай. Посмотреть, как люди спешат на лекции. Это тоже важно.

Она кивнула, сделала глоток, чувствуя, как тепло разливается по телу.

— Ты самый спокойный человек из всех, кого я знаю, — сказала она.

— Просто я знаю, что самое важное уже здесь, — он слегка коснулся её руки. — Остальное мы успеем.

В это же время Маша сидела в своём кабинете, изучая отчёт, который только что принесла Дем. Цифры, графики, прогнозы — всё было аккуратно разложено, с пояснениями, с пометками, с честными «но» и «если». Маша читала, хмурилась, потом снова читала, пока наконец не отложила бумаги и не посмотрела на Дем.

— Ты предлагаешь сложную схему, — сказала она. — Много датчиков, много ручной работы, много людей. Это дорого.

— Но это надёжно, — ответила Дем. — И это честно по отношению к зданию. Мы не ломаем старое. Мы учимся с ним жить.

Маша помолчала, потом вдруг спросила:

— А ты сама в это веришь? В этот «ритм», в то, что старое и новое могут работать вместе? Дем не раздумывала ни секунды.

— Верю. Потому что иначе зачем мы всё это делаем? Чтобы просто всё заменить? Или чтобы создать что-то, что будет жить долго?

Маша кивнула, будто услышала именно тот ответ, который искала.

— Хорошо, — сказала она. — Даю зелёный свет. Но помни: через неделю я хочу видеть не только графики. Я хочу видеть, что система реально работает. Что она спасает нас от потопов, от жалоб, от паники.

— Она будет работать, — уверенно сказала Дем. — Обещаю.

Когда Дем вышла из кабинета, она вдруг почувствовала, как внутри разливается то самое тёплое спокойствие — не из-за успеха, а из-за того, что они прошли через спор и не рассыпались.

А за окнами уже темнело. Город зажигал огни, машины гудели, люди спешили домой. И где-то там, впереди, уже зрела новая задача — не просто научить «Феникса» дышать, а научить его жить в большом мире.

Но это будет завтра.

А сегодня — они просто позволили себе выдохнуть. Потому что знали: история продолжается.

Глава 4. «За стеной»

Вадик и Ванька шли по узкому техническому коридору, который даже на самых подробных планах университета значился просто как «пустота между стенами». Здесь не было ламп — только редкие аварийные лампочки, которые мигали, будто подавали сигналы бедствия. Ванька держал в руках старый чертёж, сверяя его с тем, что видел перед собой: трещины в штукатурке, выцветшие отметки мелом, ржавые скобы, вбитые в бетон.

— Тут, — прошептал он, останавливаясь у глухой стены. — Смотри, кирпич лежит не так. И шов слишком ровный для случайной кладки.

Вадик приложил ухо к стене. Сначала он ничего не слышал, кроме гула вентиляции где-то далеко. Потом — лёгкий, едва уловимый вибрирующий гул, как будто за стеной кто-то тихо напевал одну ноту.

— Слышишь? — спросил он. — Это не вентиляция. Это старая система. Она уже готовится к включению.

Ванька кивнул, достал из рюкзака небольшой молоток и осторожно постучал по кирпичу. Звук был глухим, но в одном месте — чуть звонче.

— Пустоты, — сказал он. — Тут должен быть люк. Или ниша.

Они начали аккуратно снимать штукатурку, стараясь не ломать кирпичи. Через полчаса упорной работы из-под слоя пыли проступила металлическая пластина — маленькая, квадратная, с выцветшей надписью: «Доступ к шахте В-12».

— Ну вот, — выдохнул Ванька. — Я же говорил, что тут что-то есть.

Люк открылся с протестующим скрипом, будто стена не хотела отдавать свои секреты. За ним оказалась узкая шахта, уходящая вверх и вниз, оплетённая трубами и проводами, как венами. Внизу, в полумраке, виднелся ещё один люк — уже побольше.

— Это ведёт к главному распределителю, — пробормотал Ванька, заглядывая вниз. — Если мы туда спустимся, сможем подключить датчики прямо к магистрали старой системы. Тогда «Феникс» будет знать о скачках напряжения за минуты, а не за секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.